

О ЦЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА И ПОНЯТИИ «ТЕКСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ»¹

Рыскельдиева Лора Турарбековна, доктор философских наук, профессор
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Российская Федерация, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, пр-т Академика
Вернадского, 4
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

В контексте проблемы связи философского текста с внетекстовыми обстоятельствами ставится вопрос о цели философского текста. Широкий спектр междисциплинарных исследований сформировал набор понятий, с помощью которых может быть раскрыта практическая, деятельностная сторона речевой и текстовой деятельности. Однако их применение к анализу и герменевтике философского текста нерелевантно без учёта специфики философского дискурса. В статье предлагается возможный вариант ответа на вопрос об этой специфике, идея различения «внешней» и «внутренней» целей философского текста, а также понятие текстового поведения как реализации устойчивых образцов текстовой деятельности в философии. Внешняя цель определяется форматом текстовой культуры, к которой принадлежит текст, а внутренняя связана с деонтологической установкой его автора.

Ключевые слова: текст, прагматика, философский текст, телеология, деонтология, поведение

ON THE PURPOSE OF PHILOSOPHICAL TEXT AND THE CONCEPT OF "TEXTUAL BEHAVIOR"

Ryskeldyieva Lora T., D.Sc. (Philosophy), Professor
V.I.Vernadsky Crimean Federal University
4 Akademika Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

The question of the purpose of the philosophical text is posed in this article and it has the context of linking the philosophical text with extra-textual factors. A wide range of interdisciplinary research has formed a set of concepts by which the practical aspect of speech and text activity can be revealed. However, their application to the analysis and hermeneutics of the philosophical text is irrelevant without taking into account the specifics of philosophical discourse. The article suggests a possible version of the answer to the question about this specificity, the idea of distinguishing the "external" and "internal" goals of the philosophical text, as well as the concept of textual behavior as the realization of some stable patterns of textual activity in philosophy. The external goal is determined by the format of the text culture to which the text belongs, and the internal one is related to the deontological foundations of author's outlook.

Keywords: text, pragmatics, philosophical text, teleology, deontology, behavior

Принцип междисциплинарности в наше время не подвергается сомнению, и в философии он осуществляется зачастую на основе требования учитывать социокультурный контекст появления философских идей и текстов. Ярким проявлением такой тенденции можно считать, например, социальную эпистемологию как самостоятельную область исследований, сложившуюся в последние десятилетия, или увлекательные историко-философские «разыскания» А. Кара-Мурзы [1]. Каков смысл этой тенденции? Некоторые представители социально-гуманитарного знания уже говорят о «социокультурном плене», в который попала историческая наука [2], и историки в этих условиях не хотят утратить специфику своего предмета исследования. Но что тогда могут сказать философы и историки философии, когда смысл философского текста им будет предложено понять из тех исторических, политических, психологических и прочих обстоятельств, в которых находился его автор?

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации. (The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, grant No. 16-03-00120 "The Impact of Formatting on Meaning: Changes in Text Culture and Transformation of Communication.)

Особенно часто принцип междисциплинарности реализуется в области изысканий, ориентированных на тексты, и тогда исследователи ищут способы изучения связи языка, речи и текста с внеязыковыми и внетекстовыми обстоятельствами. Такие поиски сродни решению традиционной проблемы соотношения познания и бытия, а также обнаружению соотношения между миром и его картиной как поиску того, что Л. Витгенштейн называл «усиками» картины мира. Этот поиск можно назвать языковой или текстологической «инверсией» онтогносеологической проблематики. Имеет ли эта инверсия какой-то преобразующий потенциал, может ли она повлиять на пересмотр или, как выражается Р. Брассье, «реартикуляцию философской деятельности» [3]? Могут ли эти поиски способствовать саморефлексии философа, осмыслению им целей своей деятельности?

Полагаем, что да. Кроме того, именно текстовый подход позволяет так ставить и формулировать вопросы философии о себе самой, что они могут и должны иметь ответы. Одним из них может быть следующий: если признать принципиально текстовый характер философской деятельности, то какое действие можно обнаружить у текста? У этого вопроса, в свою очередь, хорошо видно продолжение: можно ли говорить об устойчивых образцах такой деятельности, о своеобразном «текстовом поведении»? Оба вопроса задают текстологический контекст исследованию деятельностного, практического контекста философской рефлексии, имеющего связь в том числе и с телеологией. В поисках ответа на эти вопросы мы: а) оценим ту помощь, которую нам могут оказать уже имеющиеся результаты междисциплинарных социогуманитарных исследований и выработанные в их рамках понятия и подходы, а также б) наметим принципы собственно философского исследования текстовой деятельности, учитывающего её цели и результаты.

Междисциплинарные исследования связи текста с внетекстовой и внеязыковой реальностью. Понятие «прагматика текста». Говоря о связи между текстом и действительностью, нельзя не назвать прагматику как аспект семиотического подхода к языку. Оформившаяся со времен Ч. Морриса в самостоятельное направление исследований, языковая прагматика сильно способствовала нашему вниманию к процессу употребления знаков и его правилам. Согласно Моррису, прагматика – это изучение отношения знаков к интерпретаторам, и она, по его мысли, должна была объединить разные науки. Действительно, семиотика в определённом смысле стала междисциплинарной площадкой исследования языка и языков, но в вопросах употребления знаков в ней не могла не преобладать бихевиористская установка. Сам Ч. Моррис пишет: «С точки зрения прагматики, структура языка – это система поведения: аналитическим предложениям соответствуют отношения между знаковыми реакциями и более обобщёнными знаковыми реакциями, сегментами которых они являются; синтетическим предложениям соответствуют те отношения между знаковыми реакциями, которые не есть отношения части к целому» [4, с. 73]. Это может означать то, что бихевиористская установка, в свете которой поведение рассматривается в качестве совокупности реакций, может видеть главную задачу прагматики в изучении правил употребления знаков, принятых в той или иной общности, а в этих правилах отражается «навык организма под влиянием знакового средства реагировать» соответствующим ситуации образом. Так, по мысли Ч. Морриса, прагматика как раздел семиотики оказывается ограниченной рассмотрением отношения участника семиозиса к используемым им знакам, а оно, в свою очередь, конвенционально по природе самого знака. Язык же как система знаков становится способом ориентации в отношениях с другими, нацеленным на эффективность результата таких отношений.

Действительно, дело, которое «делают» знаки при их использовании, инициируя деятельность человека, активизируя структуры его поведения, на самом деле выводит лингвиста на социокультурную тематику, ставя, в том числе, и вопросы коммуникативного характера – знак при этом предстает во всей полноте своих возможных значений. Однако понятие «прагматика текста», полагаем, не исчерпывает всех возможных импликаций его содержания, так как понятия «текст» и «знак» здесь не могут быть заменены без ущерба для смысла. Можно ли рассматривать текст в качестве разновидности знака? Думаем, что нет. Если мы признаем принципиальную разницу между смыслом и значением и несводимость одного к другому, то *использование* знака как носителя значения следует признать средством для создания текста как носителя смысла. Это особенно относится к философскому тексту как тексту, имеюще-

му к смыслу особенное отношение. Зная правила употребления слов и предложений, мы можем действовать, но если в качестве действия рассматривать не создание текста, а тот дискурсивный эффект, который он может производить, то каков будет конвенциональный (?) набор значений возможных текстов? Задаётся ли с помощью, например, понятия формата этот набор? Почему не все тексты в формате, например, учебника чему-то реально учат? И что тогда представляет (если оно есть) целое таких форматов, как идея предельно «полного» философского текста?

В любом случае, мы должны констатировать, что, во многом под влиянием прагматики и совокупности прагматических подходов в разных направлениях социогуманитарных исследований, интерес к деятельностному аспекту наук о языке был инициирован и получил развитие. Однако прагмолингвистический подход к анализу философского текста должен сочетаться с другими исследовательскими процедурами, учитывающими его дискурсивные особенности.

Понятие «речевое поведение». Это ещё одно понятие, выводящее текстологическое исследование за рамки текста, но сохраняющее следы своего бихевиористского происхождения. Речь в качестве совокупности вербальных действий не может не интересовать тех, кто видит прикладные импликации языкознания и лингвистики и занимается изучением видов и типов речевого поведения, а также лингводидактикой. В целом, это понятие отражает серьёзное влияние, оказанное на филологию комплексом психологических дисциплин, и коррелирует с понятием «языковая личность». Как пишет один из создателей отечественной теории языковой личности Ю.Н. Караулов: «...невозможно в отрыве от языковой личности, без учёта её многоуровневой организации, без обращения к принципам формирования и структуры, в частности и её интеллекта, создать эффективную модель обучения языку» [5, с. 49]. Об этом же идёт речь в разработках наиболее эффективных методик изучения иностранного языка (эмоционально-смысловой метод), которые обращаются к мотивам и целям такого изучения, к порождению речи в процессе осмысленного воспроизводства готовых речевых образцов [6].

Действительно, понятие «языковая личность» вполне релевантно задачам лингводидактики и помогает учитывать личность субъекта высказывания, говорящего и даже автора текста, способствует реконструкции языковой культуры и социокультурного контекста. При этом этнокультурные аспекты изучения такой личности неизбежны, а их учёт в процессе исследования деятельностного аспекта философской текстологии неизбежно приводит исследователя в область философской компаративистики. Способность ориентироваться в этой области не только даёт увлекательные результаты, но и является совершенно необходимой в наше время всем, кто принадлежит философской культуре. Именно достижения философской ориенталистики разных направлений во многом инициировали столький глубокий интерес к феномену философского текста. Однако на этом пути возможен тупик, образованный потенциальной непримиримостью сторонников историко-философского релятивизма (существуют только отдельные национально или культурно обусловленные философские традиции) и сторонников идеи *philosophia perennis* (история философии есть процесс воплощения единой и наднациональной идеи философии вообще).

Таким образом, понятия «речевое поведение» и «языковая личность» позволяют учитывать особенности автора текста как личности с соответствующими лексическими и семантическими характеристиками, однако работают эти понятия по преимуществу в области прикладных исследований, так или иначе связанных с обучением иностранному языку.

Понятие «перформативное высказывание». Ч. Моррис, как известно, указывал на риторике как на материал для исследования языковой прагматики, однако не меньшего внимания риторика может удостоиться на основе теории речевых актов. Введя различение локутивных, иллокутивных и перлокутивных речевых актов, Дж. Остин показал, как действуют речью, как производят действие при помощи слов, в конечном счёте, как язык становится речью. Он обратил наше внимание на тонкую, но чрезвычайно существенную связь между алетической или иными модальностями высказываний: именно она превращает высказывание в перформатив как коммуникативно направленное действие, произведённое словами. Особенно интересно для нас выделение им перлокуции как такого речевого акта, такого порождения речи или текста, полное понимание которого неизбежно требует обращения к внелингвистическим обстоятельствам, к условиям коммуникации говорящего (автора) и слушающего (читателя). Действенность перлокутивных речевых актов не проста, и Дж. Остин указывает, что ожи-

даемое (мы бы сказали, подразумеваемое форматом) воздействие может отличаться от реального: «Вероятно, нуждается в прояснении, существует ли явственное различие между тем, что мы чувствуем как реальную продукцию реальных эффектов, и тем, что мы рассматриваем лишь как конвенциональные следствия...» [7, с. 90]. Для нас здесь важно то, что какое-то речевое воздействие, по мысли Остина, следует признать непреднамеренным (выражаясь другим языком, «нам не дано предугадать?»).

Очевидно, что понятие перлокуции имеет хороший аналитический и герменевтический потенциал, помогает пониманию смысла и отдельных высказываний, и текстов. В том числе, и потому, что порождает ряд вполне продуктивных вопросов. Может ли обладать силой перлокутивного воздействия заведомо и намеренно нериторический текст, автор которого сознательно и старательно освобождал его от всех тропов и приемов оратора? Может ли нериторический текст убеждать, призывать, учить? Может ли обладать силой перлокутивного воздействия заведомо и намеренно нериторический текст, автор которого сознательно и старательно освобождал его от всех тропов и приёмов оратора? Может ли теоретический текст быть перформативом? Каков перформативный потенциал философского текста?

Теория речевых актов внесла серьёзный вклад в изучение деятельности с помощью текстов, в формирование угла зрения текстолога и лингвиста на изучение внетекстовых и внеязыковых обстоятельств, показала языковую топологию коммуникации. Однако следует признать, что она содержит в себе имплицитный психологизм, а допуская перлокутивный эффект, на который не рассчитывал автор (говорящий), «сам того не ведая», «неосознанно» и т.д., этот способ рассмотрения философского текста с неизбежностью предполагает установку психолога как литературоведа (они сейчас чрезвычайно сближены).

Понятие «текстовая деятельность». Особое внимание, полагаем, заслуживает подход, предложенный в своё время социологом Т. Дридзе и названный ею *семиосоциопсихология*. Предметом такого междисциплинарного исследования является коммуникативный акт как целое, рассмотренное с помощью понятий мотива, интенции, смысла и цели. Это целое реализуется в тексте, который рассматривается в качестве единицы социокультурной коммуникации. Смысл коммуникативного акта – это замысел-интенция, имеющая тесную связь с целью и результатом. В семиосоциопсихологии, пишет Т.М. Дридзе, «...основное внимание фокусируется не столько на том, “о чём?”, “что?” и “как?” говорится в тексте, сколько на том, “почему?” и “ради чего?” этот текст порождается, т.е. в чём состоит коммуникативное намерение его создателя, каким образом он это намерение объективирует и сколь адекватно интенция интерпретируется партнерами по коммуникации. Такой подход открывает возможности для диагностики состояния и регулирования качества взаимодействий людей друг с другом» [8, с. 145]. Именно это – намерения, мотивы и цели коммуникации, понимаемой как текстовая деятельность, как процесс текстопорождения, – долгое время оставалось в тени коммуникативных исследований, находившихся под сильным влиянием лингвистики. «Лингвистический редукционизм», по мнению Т.М. Дридзе, обусловил распространённую и ставшей популярной трактовку коммуникации как обмена речью. «Возникнув на основе синтеза знаний о социальной коммуникации, накопленных в лингвистике, психологии, социологии, культурологии и социальной семиотике, семиосоциопсихология изучает место и роль текстов-сообщений как коммуникативно-познавательных единиц в мотивированном и целенаправленном (интенциональном) обмене идеями, представлениями, эмоциями, установками и ценностными ориентациями, образцами поведения и деятельности в процессе социокультурной коммуникации» – пишет она [8, с. 148]. Тогда становится ясно, что текстовая деятельность не может быть объяснена только с помощью обращения к внешним, прагматическим факторам, необходимо принимать во внимание внутренние намерения субъектов общения.

Таким образом, за последние десятилетия семиосоциопсихология показала перспективы широкого междисциплинарного социокультурного исследования текстов и коммуникации, для которого оказались узкими рамки дисциплин, ориентированных на изучение языка и речи. С другой стороны, в это же время в поле зрения философов попадает *языковой контекст*, благодаря учёту которого можно вести речь о социально-историческом подходе в области современной логики и эпистемологии. Как точно в своё время выразился Г.Б. Гутнер: «...мы все же вправе говорить об априорных конститутивных правилах, определяющих как деятельность любого носителя языка, так и структуру всякой доступной языковому описанию реально-

сти» [9, с. 88]. Учёт языкового контекста действительно может серьёзно менять любой предмет исследования, делать его, можно сказать, более гуманитарным или социокультурным. Именно такими становятся современные эпистемология и философия науки, исследующие прежде всего научную коммуникацию. Однако если в философии не видеть разновидность научного знания, а философский текст не признавать разновидностью научного со своей специфической «научно-философской» терминологией, то надо признать, что изучение философской текстовой коммуникации требует признания специфики философского дискурса, его несводимости и автономии.

Философская текстология о цели текстовой деятельности. Очевидно, что семиоциопсихология и философия науки, учитывающая языковой контекст, – максимально родственные нашим задачам исследовательские программы, а понятия поведения и деятельности помогают осмыслить практическую компоненту философской текстологии. Однако вне её контекста понятия поведения и деятельности рассматриваются чаще всего в бихевиористском духе, который, в свою очередь, определяет учебную и образовательную составляющие исследовательских программ. Очевидно также, что продолжая рассуждать о деятельностных экспликациях философского текста, мы должны признать бихевиоризм для них нерелевантным и придать понятиям «деятельность» и «поведение» соответствующий контекст. Он вполне может быть близким тому, что был создан в своё время в рамках Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкого для понятия «мыследеятельность», но в нём должна быть учтена текстовая и телеологическая компоненты с учётом особенностей философской рефлексии.

Чтобы вести речь о **цели**, в философской рефлексии надо увидеть именно деятельность, т.е. процесс. В этом случае надо полагать три его основные характеристики, условно соответствующие началу, осуществлению и результату:

- свобода мышления как условие философской рефлексии;
- философская культура, предоставляющая тексту язык;
- характер моей деонтологической установки.

Первые две характеристики довольно часто попадают в предметную область философских исследований, в особенности первая, которая традиционно обнаруживается в исследованиях по истории философии. Вторую характеристику и само словосочетание «философская культура» можно считать относительно новыми, но современная философская компаративистика даёт хорошую почву для размышлений в этом направлении. Философская культура являет себя в виде готового, исторически сложившегося набора терминов, проблем и путей их решения, которые укореняются в текстовой культуре и воспроизводятся в способах передачи философского знания, в философских школах, в авторитетных текстах.

Третья характеристика – деонтологическая установка – чаще всего присутствует в исследованиях лишь имплицитно, и для многих философов её наличие спорно: какое может быть должествование у свободной философской рефлексии? Разве не именно свобода роднит её с творчеством вообще и искусством в частности? Так, поставленный вопрос свидетельствует о возможности эстетического редуционизма, в соответствии с которым философскую деятельность следует понимать как разновидность творчества, близкого к художественному. В этом свете философский текст можно увидеть в качестве феномена литературы, в котором ставятся «философские вопросы» и употребляются «философские термины» – «философская литература». С другой стороны, существует тезис о том, что деонтологической установки в философском тексте и не должно быть: разве философия не является разновидностью теории и способом получения особого философского знания? Это точка зрения, редуцирующая философскую деятельность к научной, а в философском тексте выдающая текст науки с соответствующей специфической терминологией и предельно генерализирующей задачей – «философская наука». Но если исходить из принципиальной несводимости философского текста к текстам другого рода и из идеи автономии философского дискурса, то деонтологическая установка любого философского текста хорошо видна или её можно корректно из него вычитать. Она обнаруживается в употреблении глагола «должен» и производных «долг» или «долженствование» – именно оно во многом отвечает за несводимость и определяет специфику философского текста.

Специфика философского текста легко видна сквозь призму идеи автономии философского дискурса и его трёхчастной структуры [10]. Очевидно, что искомый практический компонент заключён в виртуальный «текст практической философии», который можно обнаружить

в любом философском тексте, даже если он дискурсивно неполон. Этот компонент имеет и а) языковой маркер, и б) дискурсивную топологию. Здесь языковой маркер – грамматика глагола «должен» и связанная с ним лексика. Наиболее часто употребляемое выражение идеи долженствования осуществляется с помощью словосочетаний «должен быть», «должен делать» и слова «долг». Практический компонент философского дискурса определяется именно долженствованием, а практическая философия – это не дополнение, не придаток к теоретической и не следствие из неё (не «королларий», как выразился И. Кант). Этот компонент именно в ответственности, которую автор философского текста берёт на себя при смене алетической модальности своих выражений на императив той или иной степени строгости.

Чем же определяется цель философского текста? В первую очередь, задачами, которые стоят перед автором, они же – тем социокультурным контекстом, в котором появляется текст. Будучи погружённым в философскую культуру, текст всегда вписан в те формы, а точнее, *форматы*, которые задаются ею в качестве *культуры текстовой*: лекция, доклад, статья, трактат, диалог, сутра, учебник и проч. Очевидно, что форматы по-разному организуют текст и могут по-разному выстраивать в нём коммуникативную ситуацию «автор – читатель», исходя из разных «портретов» предполагаемого адресата. Но наряду с такой завязанной на формат «внешней» целью, у философского текста всегда есть «внутренняя», завязанная на способ рефлексии, глубинная, специфически философская цель. Поясним эту мысль.

Деонтологическая установка реализуется двумя путями в соответствии с двумя полюсами рефлексии: Я и Мир (Я и Другой). Если, по выражению Э. Гуссерля, «аттенциальный сдвиг» [11, § 55] – в сторону Мира, то используется словосочетание «должно быть», если сдвиг в сторону Я, то употребляется словосочетание «должен делать». Два вида установок при этом можно, вслед за Н. Гартманом, назвать «долженствованием бытия» и «долженствованием действия». Это разные словосочетания, они определяют характер отношения автора текста к Миру как объекту рефлексии и тип *текстового действия*, соответствующий так организованной рефлексии. «Должен быть» по отношению к положению дел в мире полагается из установки, которую точнее всего называть созерцательной, эстетической в исходном смысле понятия «эстетизм». Долженствование как выражение императива, повеления, как своеобразная формула претензии, предъявляемой Миру от лица автора текста, – именно мировоззренческая и «феоретическая» основа эстетизма в области философской деятельности. Долженствование как выражение императива и формула претензии, предъявляемой мне мной как автором философского текста в момент, который языковеды называют аутокоммуникацией, – это основание этически ориентированного дискурса, основа коммуникативной практической философии. Поэтому глубинная, основанная на характере отношения к Миру цель философского текста определяется, в конечном счёте, эстетической, основанной на созерцании («должно быть»), либо этически ориентированной («должен делать») деонтологической установкой его автора. Эта внутренняя цель требует для своего обнаружения сочетания аналитических и герменевтических процедур: анализа лексических значений, этимологии терминов, определения способа употребления метафор и структурной организации текста, вычитывания теоретической, метафизической и практической частей текста, характеристики коммуникативной ситуации, обнаружения смысла текста и его связи со своим форматом. После применения этих процедур становится ясно, как деонтологическая установка автора сказывается на цели текста.

Цель текста связана со степенью его дискурсивной полноты. Дискурсивная полнота философского текста выражается в трёх его типах, или частях, чаще всего присутствующих в тексте имманентно: 1. Теоретический тип философского текста отвечает на вопрос о том, что или как есть, и имеет целью отыскание истины. У этого поиска всегда есть предел, метафизический по природе знания. Такому пределу соответствует: 2) метафизический текст, никогда в чистом виде не вербализуемый. Следует утверждать виртуальность метафизического текста, придавать ему статус субтекста и считать его следами «метафизического опыта», о котором писал М.К. Мамардашвили. Его вербализация для философа – это большая проблема, требуются большие усилия и трудная работа с языком, поиск адекватной метафоры. Таких текстов в истории мало – это тексты в духе «Монадологии» Лейбница или «Этики» Спинозы. 3. Практический тип философского текста отвечает на вопрос о том, что или как должно быть, и имеет целью выработку норм.

Дискурсивно полный философский текст можно считать виртуальным «пратекстом» всех текстов, имеющих реального автора. Поэтому «полных», архетипичных собственно философских текстов не так много в истории. Более того, с помощью идеи неполноты этого «пратекста» можно объяснить генезис текстов другого рода.

Философский текст может ограничиваться теоретической частью дискурса, имея целью объяснение устройства того, что есть. В этом случае неизбежно использование или введение автором по крайней мере одного понятия, а точнее, идеи, которая могла бы придать единство его размышлениям, осуществив необходимую полноту. Наиболее репрезентативный пример в этом отношении – дошедшие до нас фрагменты Анаксагора, в которых идея Нуса (к слову, справедливо рассматривавшаяся Аристотелем в качестве *deus ex machina* учения Анаксагора) как бы завершает его размышления и объяснения, давая возможность создания целостной картины мира. Если учесть факт намеренной публикации своего сочинения Анаксагором, то теоретический, объясняющий текст, предназначенный для широкой аудитории, можно рассматривать в качестве первого текста научного типа, т.е. видеть происхождение научного текста сквозь призму неполноты первичного философского. С другой стороны, если автор отказывается от объяснений устройства мира и полагает, что сразу следует дать ответ на вопросы о том, как должно быть и что должно делать, то такая неполнота даёт рождение тексту скорее проповеднического, сотериологического, религиозного типа. Именно так можно понять смысл буддийских сутр и знаменитое «благородное молчание» философа Гаутамы в ответ на философские, метафизические вопросы.

Цель текста связана с текстовым поведением. Можно фиксировать определённую намеренность в текстовых действиях автора философского текста, которая обуславливает устойчивость его дискурсивной позиции. Это означает, что коммуникативная направленность и телеология всякого философского текста, обеспечивающая его действенность и актуальность, не всегда одинаковая.

Знаменитый тезис Л. Витгенштейна о том, что «философия оставляет всё как есть», является выражением осознанной созерцательности философии, понятой как теория. «...молчаливая радость и душевное торжество от преодоления трудностей или открытия наиболее сокровенной истины не стоят тех огромных усилий, которых требует занятие философией...» – этими словами Т. Гоббса [12, с. 77] можно выразить суть антиметафизической аргументации противников трактатов о «первой философии». «...каждый человек, будучи лучшим судьёй самому себе в выборе линии поведения, наиболее способствующего достижению благополучия, будучи (при этом) зрелого возраста и здравого ума, должен в этом выборе быть предоставлен самому себе, дабы судить и действовать самостоятельно» – так выражается критическая по отношению к исполнению понятий «долг», «должное» и «должен» позиция Дж. Бенгтама [13, с. 251]. «Что я вообще должен делать, я могу понять, только если «вижу», что вообще ценно в жизни» – так аргументирует Н. Гартман [14, с. 101] необходимость метафизического по происхождению учения о ценностях. И, наконец, общеизвестный тезис К. Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Таким образом, осознание философом цели своей текстовой деятельности как цели философии вообще, связанное с рефлексивным, осознанным отношением к идее должного, обуславливает его приверженность к определённому типу философского текста. Эта приверженность выражается в вычитываемых из текстов и имеющих своеобразную дискурсивную топологию устойчивых образцах текстовой деятельности в философии. Такую устойчивость можно назвать «**текстовым поведением**». Изучение текстового поведения позволяет понять внутренние, имманентные, собственно философские цели текстовой деятельности, т.е. быть ближе к смыслу философского текста.

Список литературы

1. Кара-Мурза, А. А. Откуда рождаются философские статьи? / А. А. Кара-Мурза // История философии в формате статьи – Москва : Культурная революция, 2016. – С. 110–121.
2. Савельева, И. М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт / И. М. Савельева // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 25–53. – Режим доступа: http://roii.ru/dialogue/38/roii-dialogue-38_2.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

3. Brassier, R. Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction / R. Brassier. – Available at: <https://rosswolfe.files.wordpress.com/2011/05/ray-brassier-nihil-unbound-enlightenment-and-extinction.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
4. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С. 73.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд 7-е. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с. – С. 49.
6. Шехтер, И. Ю. Живой язык / И. Ю. Шехтер. – Москва: Ректор, 2005. – 240 с.
7. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов / Дж. Остин; пер. с англ. В. П. Руднева // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 11–135.
8. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145–152.
9. Гутнер, Г. Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия / Г. Б. Гутнер // Философия науки. – Москва, 2005. – Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – С. 82–108.
10. Рыскельдиева, Л. Т. О философской текстологии, или Чему должна учить история философии / Л. Т. Рыскельдиева // Вопросы философии. – 2015. – № 1. – С. 106–114.
11. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А. В. Михайлова. – Москва: ДИК, 1999. – Т. 1.
12. Гоббс, Т. О теле / Т. Гоббс // Основы философии. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 1.
13. Bentham J. Deontology / J. Bentham // Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – P. 119–281.
14. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002.

References

1. Kara-Murza A. A. Otkuda rozhdaiutsya filosofskie stati? [What are the Philosophical Articles born from?]. *Istoriya filosofii v formate stati* [History of Philosophy in the Form of Article]. Ed. by Yu. V. Sineokaya. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2016, pp. 110–121.
2. Saveleva I. M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskiy frontir [Historical research in the XIII century: the theoretical frontier]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2012, vol. 38, pp. 25–53. Available at: http://roii.ru/dialogue/38/roii-dialogue-38_2.pdf.
3. Brassier R. Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction. Available at: <https://rosswolfe.files.wordpress.com/2011/05/ray-brassier-nihil-unbound-enlightenment-and-extinction.pdf>.
4. Morris Ch. W. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: The Antology]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2001, ed. 2nd, pp. 45–97.
5. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and the Language Person]. Moscow, LKI Publ., 2010, ed. 7th.
6. Shekhter I. Yu. *Zhivoy yazyk* [Live Language]. Moscow, Rektor, 2005.
7. Ostin Dzh. Kak proizvodit deistviya pri pomoshchi slov [How to do Things with Words]. *Ostin Dzh. Izbrannoe* [Ostin J. Selected Works]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999.
8. Dridze T. M. Sotsialnaya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatel'nost v semiosotsiopsikhologii [Social Communication as a text Activity in Semiosociopsychology]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1996, no. 3, pp. 145–152.
9. Gutner G. B. Kommunikativnoe soobshchestvo i subekt kommunikativnogo deystviya [Communicative Community and the Subject of communicative Action]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow, 2005, vol. 11, pp. 82–108.
10. Ryskeldieva L. T. O filosofskoy tekstologii, ili Chemu dolzhna učit istoriya filosofii [On philosophical textology or what exactly the history of philosophy should be teaching]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2015, no. 1, pp. 106–114.
11. Gusserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow, DIK Publ., 1999, vol. 1.
12. Gobbs T. O tele [About the body]. *Gobbs T. Osnovy filosofii. Sochineniya: v 2 tomakh* [Gobbs T. Basics of philosophy. Writings: in 2 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1989, vol. 1.
13. Bentham J. Deontology. *Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism*. Oxford, Clarendon Press, 1983, pp. 119–281.
14. Hartmann N. *Etika* [Ethics]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2002.